

Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе

Жан Терентьевич

ТОЩЕНКО

Российский государственный гуманитарный университет

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация

e-mail: zhantosch@mail.ru

Аннотация. В статье дан анализ мало используемого в настоящее время понятия общественный договор. С этой целью осуществлен краткий исторический экскурс: оценен вклад мыслителей Эпохи Просвещения, которые первыми обосновали предложение рассматривать взаимоотношения государства и народа через призму достижения согласия по устройству публичной и частной жизни, назвав это социальным контрактом — общественным договором. После некоторого перерыва интерес к этому феномену возродился в XX веке. Более подробно рассмотрено понимание сути и содержания общественного договора зарубежными и российскими исследователями. На этой основе сделан вывод о том, что общественный договор представляет собой самостоятельный научный и социальный феномен, который олицетворяет различные формы социального согласия между народом и государством, при учете, что они носят не только открытый, но и латентный характер, отражая глубинные процессы, происходящие в общественном сознании. В статье определяются критерии, присущие общественному договору: цели, средства их достижения, идеологическое обеспечение, эффективность обратной связи и участия народа в управлении делами общества и государства. Дается сравнительный анализ процесса его функционирования в советском и современном российском обществе и делаются выводы о проблемах его реализации на различных этапах исторического развития. Особо отмечается, что общественный договор имеет как явные, так и латентные характеристики, которые через анализ состоя-

Для цитирования: Тощенко Ж.Т. (2023). Общественный договор: исторические и современные реалии в советском/российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 3. С. 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2

For citation: Toshchenko Zh.T. (2023). Social contract: Historical and contemporary realities in Soviet/Russian society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(3), 39–53. DOI: 10.15838/esc.2023.3.87.2

ния, тенденций и проблем общественного развития позволяют говорить о степени его эффективности и действенности в деле сохранения и укрепления государства.

Ключевые слова: общественный договор, государство, общество, народ, общественное сознание, согласие, доверие, СССР, Россия.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РНФ № 23-18-00093.

Постановка проблемы

Общей тенденцией для всех без исключения государств является организация политической властью взаимодействия с народом, поиск способов существования правящего класса, убеждение людей в надежности принимаемых управленческих решений, привлечение их к активному участию в реализации сформулированных проектов и/или программ развития.

С этой целью государством принимаются декларации, законы, постановления, указы и другие директивные документы. Вершиной этих намерений и устремлений выступает Конституция страны, где отражаются принципиальные положения, на основании которых строится жизнь общества во всех ее аспектах.

В реальности процесс развития и функционирования государства воплощается в регулировании (проектировании или планировании) процессов, происходящих в экономической, социальной, политической и духовно-культурной сферах общества. Иначе говоря, принимаются решения, которые в большинстве случаев направлены на достижение сформулированных целей в самых различных вариантах: в экономике — регулирующие рынок и отдельные его компоненты; в социальной сфере — обеспечивающие сбалансированное состояние социальной структуры, в политической сфере — поддержка политических целей и отсутствие социальной напряженности, в духовно-культурной — создание мировоззренческого единства, реализация нравственной сплоченности.

При всей важности таких направлений в жизни государства и общества не всегда существует и реализуется такой феномен, как общественный договор, который позволяет выявить и воплотить глубинные, жизненно важные устремления народа, в результате чего политическая власть в лице государства получает право на свое существование, становясь исторически оправданным явлением.

В соответствии с этими суждениями в статье поставлена цель раскрыть научный и прикладной потенциал общественного договора, обосновать его актуальность и раскрыть его роль в жизни российского государства и общества. Он не является официальным государственным документом — это социальный конструкт, который содержит явные и латентные характеристики. Важность такой постановки вопроса обусловлена и происходящими событиями в жизни страны, вызванными специальной военной операцией и беспрецедентными санкциями, испытывающими крепость не только экономической и военной системы России, но и сплоченность российского народа.

Краткий исторический экскурс

Первые попытки осмысления общественного договора нашли отражение в трудах английских и французских просветителей (Гоббс, 1991; Локк, 1988; Гольбах, 1963; Монтескье, 1955; Руссо, 2000). Хотя ученые по-разному трактовали его суть и содержание, они все обратили внимание на условия устойчивости государства, полагая, что помимо формальных актов строительства политической жизни существует объективная потребность установления определенных правил взаимодействия с народом, обеспечивающих его согласие по поводу текущих и будущих направлений развития государства и общества. Именно в их трудах получило обоснование новое научное и имеющее огромное практическое значение понятие «общество», которое фиксировало необходимость его рассматривать как самостоятельную социальную силу. Именно с XVIII века общество стали олицетворять становящиеся профсоюзы, новые политические партии, различные добровольные объединения. Значимость нового явления — общества — требовалось осмыслить, что нашло отражение в идеях об общественном договоре.

Рассматривая трактовки общественного договора, предложенные мыслителями Эпохи Просвещения, можно утверждать, что они считали общественный договор порождением разумной воли народа, человеческим учреждением или даже изобретением (результатом) творческих поисков, в том числе стихийных. Вместе с тем такая трактовка нередко связывается с представлением о механическом происхождении общественного договора, выступающего как искусственная конструкция сознательной воли людей, согласившихся объединиться ради удовлетворяющего их обеспечения свободы и порядка.

В это же время подобные суждения появились у русских ученых, обративших внимание на возможность договорного согласия государства и власти. Так, А.Н. Радищев (1749–1802) считал, что государство возникает не как результат некоего божественного провидения, а как следствие открытого или молчаливого договора членов общества в целях совместной защиты слабых и угнетенных. В своих рассуждениях он исходил из того, что «соборная народа власть есть власть первоначальная» (Радищев, 1952, с. 10).

Позднее, в XIX веке, идеи общественного договора в определенной степени развивал А. Токвиль (1805–1859). Размышляя о судьбах революции, он писал: «Основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей». Он критиковал американские, а затем французские власти за их политику, не учитывавшую интересы всех слоев общества. При этом основу демократии Токвиль видел в традициях пуритан, стоявших у истоков колоний в Новом Свете, поэтому главным преимуществом любого общества он считал равенство возможностей для всех жителей страны (Токвиль, 2008).

После взлета интереса к общественному договору в XVIII веке внимание к этой тематике снизилось, хотя отдельные идеи о построении рационального взаимодействия между народом и властью не только обосновывались, но и по отдельным вопросам даже воплощались в жизнь. Напомним, что в ряде стран Европы, например Германии при Бисмарке, были разработаны и реализованы отдельные законодательные акты о страховании труда.

Однако только в XX веке идеи общественного договора возродились в полном объеме под влиянием рабочего движения, продемонстрировавшего свою силу и показавшего, что без участия народа в решении судеб страны невозможно существование государств. Немалую роль в этом возрождении интереса к общественному договору сыграл опыт Советского Союза, который убедительно доказал возможности реализации общественного прогресса на основе сочетания интересов народа с целями правящей партии большевиков.

Среди вновь сформулированных концепций общественного договора наибольший интерес представляют идеи Дж. Ролза (1921–2002), рассматривающего деятельность индивидов как рационально мыслящих людей в процессе создания и функционирования создаваемого ими государства, построенного на принципах социального благополучия. Согласно этой трактовке, общественные институты, сформированные в результате такого договора, руководствуются необходимостью соблюдения справедливости, а люди, в них включенные, строят свои взаимоотношения на тех условиях, на которые они согласились, будучи равными в социальном и естественном состоянии (Ролз, 1995).

С либеральных позиций идеи Ролза оспорил Р. Нозик (1938–2002). Он защищал необходимость «минимального государства» (государство – «ночной сторож») и критиковал теорию и практику «социального государства» за насилие над индивидами (Нозик, 2008).

Оригинален вклад в разработку проблем общественного договора Дж. Бьюкенена (1911–2013) и О.Т. Богомолова (1927–2015). По мнению Бьюкенена, все люди, независимо от того, являются ли они частными лицами или общественными деятелями, принимают решения и действуют исходя из рационального преследования личной выгоды. Если личные интересы противоречат интересам общества, человек обычно отдает приоритет личным интересам, в результате чего общественный договор может прекратить свое существование¹. В работах отечественного ученого, академика О.Т. Богомолова доказывается, что различные неэкономические силы имеют непосредственное влияние

¹ Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен (1997). М.: Таурус альфа.

на экономическую политику каждой страны. Поэтому общественный договор — это, по сути, такая конструкция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам страны (Неэкономические грани..., 2010).

Своеобразно идеи общественного договора трактует М. Олсон (1932—1998). Он предположил, что теоретически люди могут договариваться между собой и без принуждения, но в такой ситуации возникает «проблема безбилетника», когда люди готовы пользоваться общественным благом, но участвовать в его создании зачастую не хотят или всячески от этого уклоняются (Олсон, 2012).

Идеи Олсона в определенной мере разделяет российский экономист А. Аузан, который считает, что в современном мире «складываются два типа социального контракта или общественного договора». Первый — горизонтальный, «когда люди нанимают государство как агентство по производству услуг, обороны и правосудия». В результате, как показывает историческая практика, люди могут обходиться без государства в самых что ни есть государственных делах (охрана, организация новых форм хозяйствования, создание военных образований и даже частных тюрем). Второй тип контракта характеризуется тем, что «никто никого не нанимал», а государство «само распоряжается и создает правила». Это связано с появлением и даже расширением круга авторитарных государств, число которых, по подсчетам Всемирного банка, выросло в конце XX — начале XXI века более чем на 50% и, что особенно важно, они по своей эффективности ничем не уступают «демократическим» государствам (Аузан, 2017). Однако, несмотря на оригинальность этих высказываний, с ними трудно согласиться, так как они сводят взаимодействие народа и власти только к одной, хотя и важнейшей, функции — проблемам защиты от посягательств на права собственности и свободы личности.

Рассматривая эволюцию теоретических концепций, обратим внимание на то, что в практике реализации общественного договора значительное место принадлежит тем группам, которые формулируют его принципы и которые в большинстве случаев ассоциируются с интеллигенцией (согласно российской традиции) или интеллектуалами (согласно западной

традиции), но только в том случае, если они имеют политическую власть или значительное общественное влияние.

Если подвести итог сказанному, то можно утверждать, что *общественный договор как специфический социальный контракт и форма социального согласия между народом и государством характеризует цели, средства их достижения, идеологическое обеспечение, эффективность обратной связи и участия народа в управлении делами общества и государства.*

На наш взгляд, именно общественный договор, его состояние и его проблемы являются одним из важнейших показателей устойчивости государства, каков он на самом деле, каковы его сильные и слабые стороны в существующей реальности.

Остановимся на этом подробнее на примере советской/российской истории.

Реальности и уроки общественного договора в советском и российском исполнении

Базой, регламентирующей государственное устройство, является Конституция страны, в которой формулируются принципиальные основы существования государства и общества. В истории Советского Союза были три варианта Конституции: 1924 г., 1936 г. и 1977 г. (если не говорить об их предшественнице Конституции РСФСР 1918 г.). Стоит заметить, что по всеобщему признанию даже противников советского строя Конституция 1936 г. признавалась как эталон провозглашенных прав и свобод человека, в то время не имеющих аналогов во всем мире.

Современная Россия живет по Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Конституция обладает высшей юридической силой, закрепляющей основы, полномочия представительных, исполнительных, судебных органов власти и местного самоуправления, права и свободы человека и гражданина.

Поэтому вполне естественно, что общественный договор опирается (или должен опираться) на Конституцию страны. Однако, по данным социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в декабре 2017 г., только 61% россиян считали Конституцию Российской Федерации документом, полностью или скорее полностью отвечающим нуждам страны и её народа.

В то же время значительное количество людей считает, что в этом основополагающем документе не в полной мере или с серьезными издержками решены их гражданские и личные проблемы, что они сомневаются в способности государства обеспечить и удовлетворить их потребности и интересы. Значит, налицо расхождение между тем, что государство считает важным и необходимым для своего существования, и тем, как об этой важности и необходимости мыслят люди. Иначе говоря, в реальности существуют разногласия между государством и частью народа. Значит, государству в лице политической власти необходимо не только осмыслить это расхождение, знать о нем, но и его минимизировать, не доводить ситуацию до социальной напряженности, конфликта и даже возможного социального взрыва.

В связи с этим для согласования интересов государства и народа (его основных классов, общностей и групп) существует общественный договор – продукт *осознанного согласования действий двух основных сил – государства в лице политической власти и народа в лице общественных объединений, движений, эффективность и результативность которых проявляется не только на открытом, но и латентном уровне в виде доверия, согласия, стремления построить «общую судьбу».*

Общественный договор представляет собой самостоятельный социальный феномен, который характеризуется особенной структурой. Для того чтобы представить общественный договор в действии, рассмотрим его действие в советском и российском исполнении, осуществив сравнительный анализ его критериев, резервов и ресурсов, а также возможности его эффективного существования в настоящем и будущем. Немалое значение приобретает изучение уроков, как положительных, так и отрицательных, сопровождающих реализацию этого стратегически важного феномена.

Во-первых, суть общественного договора представлена целью, которая объединяет базовые, основные устремления народа и намерения государства. С одной стороны, в ней находят отражение чаяния народа, которые питают убеждения большинства людей по желаемому устройству общества, достижению группового и личного благополучия. С другой стороны, государство в лице политической власти выраба-

тывает свои цели, претендующие не только на решение неотложных, текущих задач, но и на перспективу. Поэтому чем величественнее и в то же время конкретнее цель развития общества и государства, тем большее количество людей принимают ее, соглашаются с ней и даже вдохновляются ею. При этом она должна быть реальной, восприниматься людьми как достижимая, даже в проблемной ситуации. Цель также означает, что она скрепляет и согласовывает то, что хотели (хотят) и к чему стремились (стремятся) основные классы, социальные общности и группы, и то, что предлагала(ет) власть, не исключая возможные издержки и просчеты в процессе ее реализации. На государство ложится высокая ответственность – сформулировать стратегию развития страны, которая бы удовлетворяла народ не только в реально сложившейся действительности, но и позволила ему видеть будущую жизнь, идея о которой скрепляла бы эту договоренность. Т. е. умение оформить взаимные стремления и намерения и в текущей действительности и на будущее – залог устойчивого существования общественного договора и, соответственно, общества и государства.

Напомним, что у Гоббса такой целью при согласовании интересов политической власти и ценностных ориентаций народа была безопасность, у Локка – свобода, у Руссо – демократия, у Монтескье и Радищева – социальное равенство, у Ролза – справедливость. Иначе говоря, общественный договор призван обеспечить постоянный, регулярный и мобильный социальный контакт на основе достижения основной цели, а также предложить средства и методы для ее осуществления, чтобы достичь взаимопонимания и поддержки.

История существования Советского Союза показывает, что пришедшие к власти большевики сумели убедить и увлечь большинство народа идеей нового справедливого общества. Она была воплощена в призыве строительства незнаемого историей социалистического (а затем коммунистического) общества, в котором был ясно сформулирован понятный многим принцип – «от каждого по способностям, каждому по труду». Эта формулировка жизнеустройства и в первую очередь трудовых отношений удовлетворяла большинство рабочих и крестьян, хотя в процессе реализации было

немало издержек, как, например, в виде появления уравниловки при оплате труда работников разных отраслей и различных профессий или соотношения заработной платы рабочего и инженера в начале 1980-х годов в пропорции 1:1,04.

Насколько было важно согласование целей государства и народа, показал этап крушения общественного договора в Советском Союзе, который произошел в период так называемой перестройки. Встреченные почти с восторгом цели перестройки быстро померкли в сознании людей, так как они сразу же начали сопротивляться напех сформулированными подцелями по решению кардинальных проблем экономики, социальной и политической жизни. Эти подцели отражали идеи и намерения власть имущих, но не народа и даже таких его ответственных представителей, как ученые. И вполне естественно, что народ стал требовать внесения существенных коррективов в официально проводимую политику. Вместе с тем заметим, что критика советской власти означала требования не ее ликвидации (как в этом нас убеждают неолибералы), а ее реформирования, о чем говорят (но не любят упоминать те же неолибералы) результаты всесоюзного референдума в марте 1991 г., когда 76,1% населения высказались за продолжение существования СССР, но с серьезными изменениями в политике.

Что касается современной России, то согласование целей государства и народа во многом находится в состоянии неопределенности. До сих пор многим россиянам неясно, какое государство, какое общество они создают. Провозглашенное в Конституции РФ социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7.1.), и означает некую общую установку, которая не конкретизирована до понимания и воплощения ее в текущей повседневной жизни. В связи с этим приведем пример современного Китая, где на фоне общей цели — строительство социализма с китайской спецификой — был провозглашен принцип добиться средней зажиточности по сравнению с мировыми стандартами. При более подробной конкретизации это означало: среднезажиточное общество — этап развития между решением проблемы питания и одежды для населения и достижением

полной зажиточности. Это не только устроило, но и вдохновило миллионы простых китайцев, около 100 млн которых за последние 10 лет вышли из зоны бедности (Чжан Тянь, Романенко, 2009).

В России попытки преодолеть низкий уровень благополучия людей пока остаются нерешенными: с 2012 года число россиян, находящихся за чертой бедности, остается примерно одним из тем же — около 20 млн чел., или 12% от численности населения. Намерения, зафиксированные в национальных проектах и нацеленные на решение таких актуальных социально-экономических проблем, как производительность труда, занятость, уменьшение безработицы и бедности, не были реализованы. Более того, многие решения в сферах образования, науки, культуры оказались ошибочными, что было полностью или частично признано на официальном уровне. Ссылки на следование требованиям четвертой промышленной революции и шестого экономического уклада пока украшают речи, постановления и другие документы, которые при всей их важности не коррелируют с базовыми целевыми устремлениями людей и реально складывающейся социально-экономической ситуацией. В результате, согласно данным Росстата, при намерении повысить производительности труда в 2012–2018 гг. (в годы первых национальных программ) на 50% в реальности получилось только 5% (Аганбегян, 2019).

Эти и подобные конкретные результаты развития российского общества позволяют утверждать, что еще не найдены в полной мере те цели, которые бы в максимальной степени сближали народ и государство.

Во-вторых, общественный договор конкретизирует средства достижения сформулированных целей, что находит отражение прежде всего в инструментальных способах, направлениях и путях его реализации. Набор этих средств зависит от ситуации, той социально-исторической обстановки, в которой живет страна. В советской России в годы гражданской войны основным средством являлась вооруженная борьба с различными вариантами поборников царского режима и иностранной интервенции, в годы НЭПа — реализация провозглашенных в период революции лозунгов «заводы — рабочим», «земля — крестьянам». Затем были пятилетки,

нацеленные на создание социалистической экономики, годы Великой Отечественной войны — на победу над немецким фашизмом. В послевоенные годы были привлекательные и многообещающие средства для воспитания гордости (или просто причастности, прямой или косвенной) за участие в освоении космоса, достижении паритета в ядерном противостоянии, а также в решении более конкретных экономических задач: целина, строительство новых городов и предприятий в Сибири и на Дальнем Востоке, разработка нефтяных и газовых месторождений. Все эти проекты требовали миллионов новых рабочих рук, давали возможность, в том числе молодежи, проявить себя и, что особенно важно, ощутить себя частью общего великого дела, вселяющего уверенность в успешном достижении не только общих, но и личных целей. Последнее хотелось бы подчеркнуть, так как личное осмысление происходящего и его приятие как касающегося своего жизненного мира создавало латентную социально-психологическую почву, которая олицетворяет уверенность в будущем и делает человека участником общественного договора.

В современной России общественный договор долгое время строился на либеральной установке: государство должно максимально ограничить себя ролью «ночного сторожа», а человек сам ответственен за свою настоящую и будущую жизнь. Основным средством достижения благополучия был провозглашен капитал, финансовые средства или попросту деньги. В то же время не предлагались проекты экономического и социального характера, которые бы свидетельствовали о значимости и роли России. Более того, неолиберальной политикой были разрушены такие отрасли производства, как станкостроение, авиастроение, автомобилестроение и другие, занимающие передовые места в мировой экономике. В результате потерян значительный человеческий, социальный и научно-технический потенциал, что привело к резкому ослаблению российского государства и к концу 1990-х годов поставило под вопрос его существование, возникла угроза распада, как это произошло с СССР. И хотя в начале 2000-х годов эту тенденцию удалось частично переломить, но не настолько успешно, как требовали объективные потребности общественного развития. Перед Россией по-прежнему остро стоит

вопрос о коренном изменении экономической политики и связанной с ней социальном единстве народа, без чего существовать общественный договор не в состоянии. О том, что общественный договор требует совершенствования, говорят данные всероссийских исследований, проведенных социологами РГГУ в 2018–2022 годах в различных отраслях экономики и социально-культурной жизни (промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг, здравоохранение, культура, образование и наука). Они показали, что от 42,5 до 50% населения считают, что страна развивается в правильном направлении, почти каждый пятый (от 18 до 22,9%) — что развитие идет в ошибочном направлении при каждом третьем (до 35%) воздержавшемся от ответа (Интеллигенция ..., 2023, с. 263). Серьезной критике подвергаются такие осуществленные государством акции, как приватизация, налоговая система, рост социального неравенства. Они отвергаются более чем каждым вторым россиянином. Все это позволяет сделать вывод о том, что средства осуществления экономической и социальной политики ставят под сомнение крепость существующего общественного договора. Очевидно, в политику нужно вносить кардинальные изменения, о чем говорят не только многие представители научной мысли, но и практические работники² (Глазьев, 2011).

В-третьих, важнейшим структурным элементом общественного договора является идеология, которая в Советском Союзе воплощалась в концепции «общей судьбы» народа и государства на основе единства мировоззренческих и социально-политических ориентиров по организации публичной и приватной жизни. Советская идеология воплощалась в политике по формированию таких теоретических и практико-ориентированных нововведений, как «советский народ» и «советский человек». Это был уникальный исторический эксперимент, замысел которого ранее продемонстрировали великие буржуазные революции, также ставившие задачу создания человека нового типа и формирования у него таких качеств, как убежденность, гордость, надежда, уверенность,

² Бабкин К.А. (2008). Разумная промышленная политика, или Как нам выйти из кризиса. М. URL: <https://www.kakprosto.ru/kak-980254-konstantin-babkin-biografiya-tvorchestvo-karera-lichnaya-zhizn#ixzz81KWjWHMG>

традиционность при учете интересов основных социальных общностей и групп. Реализация этого эксперимента в советское время обеспечила решение колоссальных по трудности экономических проблем и одновременно формировала ту идейную и мировоззренческую базу, которая делала государство ответственным органом по выполнению своей исторической миссии (Тощенко, 2021).

Относительно специфики идеологии в Советском Союзе отметим, что идеология была направлена на реализацию принципа служения народу, хотя этот процесс проходил неоднозначно, с серьезными издержками и даже ошибками. Но, несмотря на просчеты, ориентация советской власти на интересы основных классов – рабочих и крестьян – способствовала не только усвоению большинством людей социалистического мировоззрения, но и выработке принципиально новых установок – культа труда и культа образования.

Говоря о *культе труда*, обратим внимание на процесс его включения в идеологию «общей судьбы». С одной стороны, возвеличивание труда опиралось на народные традиции о глубоком уважении к созидательной деятельности, высокую оценку его носителей, критическую оценку тех, кто не был вовлечен в его осуществление. С другой стороны, ориентация и установка на труд стали во все возрастающей степени высоко оцениваться и поощряться не только в рамках конкретных производств, но и (что принципиально важно) со стороны государства. Это отразилось в официальной государственной поддержке и поощрении таких инициатив, как ударничество (с началом индустриализации), стахановское движение (в годы первых пятилеток, начиная с 1935 года после трудового подвига А. Стаханова, перевыполнившего план добычи угля в 14 раз). В конце 1950-х годов стремление получить звание участника движения за коммунистическое отношение к труду стало массовым.

Такое отношение к труду начало закрепляться в связи с курсом по совершенствованию его условий и организации (в стране было развернуто массовое движение по научной организации труда, движение рационализаторов и изобретателей). Одновременно внедрялась и подвергалась многочисленным экспериментам система стимулирования в виде как различных

способов материального вознаграждения, так и морально-нравственного поощрения (Доски почета на всех предприятиях и по месту жительства, награждение дипломами, почетными грамотами и другие методы за достижения в труде). Особо следует сказать, что возвеличивание труда было выведено на государственный уровень, проявившись в постоянном внимании и совершенствовании практики награждения государственными наградами. Отметим, что такие меры были начаты уже в конце гражданской войны: VIII Всероссийским съездом Советов 28 декабря 1920 г. учрежден орден «Трудовое Красное Знамя» РСФСР, а несколько позднее подобные ордена были учреждены и в других советских республиках. В 1920-е годы широко практиковалось поощрение отличившихся производственных коллективов Красными знаменами. В 1928 году введен орден Трудового Красного Знамени. Затем с началом первых пятилеток последовало учреждение медалей и орденов за достижения в труде. 1938 год был ознаменован появлением звания Героя Социалистического Труда, а также медалей «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие». Летом 1945 года учреждена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». В 1970 г. в связи со столетием со дня рождения В.И. Ленина стали награждать медалями «За доблестный труд». В дальнейшем появился орден Трудовой Славы (1974 г.). В целом наградная система СССР была демократична, получить любую, даже наивысшую, награду мог каждый гражданин Советского Союза, проявив доблесть и упорство в труде.

В рамках политики по отношению к труду ставка делалась (наряду с ориентацией на достижение высоких производственных показателей) на развитие чувство долга и ответственности перед обществом. Этому способствовали различные формы стимулирования и награждения за высокие достижения в труде, убеждающие в важности такого отношения к нему, укрепляющего чувство личного достоинства. Однако при высокой оценке роли и значения труда нельзя забывать о том, что в 1960–1980-е годы выявились диспропорции в использовании человеческих ресурсов, что привело к замедлению решения проблем, связанных с ростом производительности труда. Осознание этих препятствий в условиях изменений в

общественной жизни привело к тому, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. образован Государственный комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы. При нем созданы Научно-исследовательский институт труда (НИИ труда) и Центральное бюро нормативов по труду. Это был новый, принципиально важный шаг по совершенствованию трудовых отношений, попытка укрепить социальные контакты между государством и всеми трудящимися. В 1960-е годы последовало возрождение интереса к научной организации труда: проводились научные конференции с обсуждениями целей и задач организации труда, создана сеть соответствующих подразделений на предприятиях, осуществлялись многочисленные эксперименты, например на Шелковском заводе, в совхозе Илийский и др. (Кравченко, 1987; Чангли, 1973).

К сожалению, это направление довольно быстро затухло в результате отмены начавшей проводиться так называемой Косыгинской экономической реформы, когда государственные органы решили следовать накатанной колее развития, оправдавшей себя в 1930-е годы, но оказавшейся в 1960–1970-е годы ошибочной с трудно предсказуемыми последствиями. В таких условиях возросло недовольство политикой в области организации труда, что проявилось в возникновении апатии, недовольства и росте критического отношения к политической власти (Тощенко, 2005).

В современной России не произошло существенных качественных изменений по отношению к труду, несмотря на введение частной собственности, провозглашение возможностей использовать рыночные отношения. По-прежнему не растет или слабо растет производительность труда. Не изменилось отношение к труду у большинства работников. Отметим также, что в 2000-е годы кардинально поменялись приоритеты работы НИИ труда. Если раньше он занимался научной организацией труда, то теперь на первый план выходят проблемы безработицы («занятости населения»), бедности («уровня жизни») и незащищенности людей («социального страхования»). Иначе говоря, почва для социальной напряженности в сфере труда сохраняется, что не способствует эффективному функционированию общественного договора.

Что касается *культы образования*, он стартовал после призыва Ленина на 111 съезде комсомола в 1920 г.: «Учиться, учиться, учиться». На этом пути, начиная с политики ликвидации неграмотности, развертывания начального, затем среднего и высшего образования, Россия достигла высокого уровня грамотности по сравнению со странами, имевшими более развитую экономическую базу.

Именно система образования сыграла значительную роль в укреплении общественного договора, так как она создала значительные многомиллионные социальные общности – советскую интеллигенцию и квалифицированные рабочие кадры, которые на деле убеждались, что образование становилось мощным социальным и профессиональным лифтом, обеспечивавшим им новый более качественный уровень и образ жизни (см., например, Ситаров, 2019).

Говоря об идеологии в современной России, нужно заметить следующее: травмированность современной духовно-нравственной сферы российского общества во многом объясняется зафиксированным в Конституции РФ положением – в России нет государственной идеологии. Негативное отношение к слову «идеология» может быть обусловлено тем, что в Советском Союзе признавалась (официально) только одна идеология – социалистическая. Поэтому ассоциация понятия «идеология» со словом «социалистическая» (в ряде случаев «коммунистическая») сформировала предубежденность к ней, иногда превращая это слово чуть ли не в ругательство. Однако, как показывает жизнь, с таким положением несогласны многие. «Как жить без идеологии, без четкого государственного управления? После того как мы решили освободиться от советского прошлого, мы ничего не создали, кроме эфемерных надежд» (Ширвинд, 2022, с. 101).

Как показывает реальный исторический процесс, идеология, несмотря ни на что, возвращается (Славин, 2009), в то время как отсутствие государственной идеологии стало одним из пороков становящейся российской государственности. Это упущение было замечено уже при Б.Н. Ельцине. Но, не желая возвращаться к отвергнутому понятию «идеология», власти выдвинули предложение – найти национальную идею. Смысл предпринятого очевиден – народ необходимо объединить

вокруг общественно значимых ориентиров, понятных всем и пробуждающих желание и стремление участвовать в их реализации. В результате в 1990-е годы разразился целый бум инициатив, начиная от цитирования слов Уварова (министра просвещения правительства России в середине XIX в.) «Православие. Самодержавие. Народность» до бесконечных поисков найти заветные призывы, устраивающие всех. Однако это был поиск, заранее обреченный на провал. Это были идеи отдельных искателей истины, ученых, политиков, просто амбициозных персонажей. Но их ограниченность, условность определялась отсутствием обращения к мнению народа, к пониманию им того, чего следует добиваться и как строить отношения в существующем обществе. Отражением этого послужил следующий феномен — как только ни пытались охарактеризовать ситуацию в стране — и «управляемая демократия», и «консервативная модернизация», и т. д.

Если рассмотреть сегодняшнюю ситуацию в России, то в реальной политической и духовной жизни российского общества, как в калейдоскопе, сложился конгломерат различных мировоззренческих ориентаций, которые самым причудливым образом отражают устремления различных социальных групп и общностей.

В настоящее время крайне важно преодолеть отрицание государственной идеологии как таковой. По сути, любая государственная идеология — это формулировка стратегических целей государства, которые разделяют народные массы, это ценностный ориентир, порождающий не только приятие, но и желание его отстаивать. Подчеркнем, что идеология существует в каждом государстве, независимо от того, провозглашена она или нет. Де-факто она есть и в России. Как показывают результаты социологических исследований, большинство населения России хочет иметь сильное, процветающее и влиятельное государство.

Отсутствие у государства и общества стратегической цели в виде идеологии порождает различные специфические и спорные идеи о «милитаризации сознания» (А.С. Ципко) или о превращении среднего класса из опоры общества в источник его раскола и дестабилизации (А. Щипков). Стоит отметить навязчивые и невразумительные попытки и стремления постро-

ить в России «славяно-православную политическую культуру» и утвердить «соборно-вечевую мораль» (А.Н. Асопов).

Таким образом, анализ возможностей для консолидации российского общества показывает, что общественный договор находится под угрозой в условиях отсутствия государственной идеологии и в то же время существования идеологических течений, отражающих, как правило, интересы, ценностные ориентации и установки различных социальных классов, общностей, групп. Реальная ситуация требует формулировки стратегической цели развития России, находящей свое выражение в государственно-общественной идеологии, с четким обозначением средств и методов ее достижения. Без такой идеологии Россия не может в полной мере выйти из травматического состояния (Тощенко, 2020).

В-четвертых, общественный договор — это дорога с двусторонним движением, что предполагает существование форм обратной связи между властью и народом, постоянную проверку ее эффективности и действенности. Это означает, что политическая власть не только слушает народ, но и слышит его. Выполнению этих требований способствовала форма существования советской власти — советы народных депутатов. Такая форма согласования интересов, рожденная еще в ходе революции 1905 года, зарекомендовала себя и в годы революции, и в период гражданской войны, а затем на всех этапах социалистического строительства. Ее действенность проявилась в разных формах понятных народу контактов: помимо выборов это были регулярные отчеты и выступления официальных лиц, рабкоровское движение, систематическая работа с обращениями в органы власти, анализ писем трудящихся и главное — обязательная официальная реакция на все предложения, сигналы и критику с мест. Однако постепенно, особенно в 1950–1980-е годы, функции советов стали замещаться действиями партийного аппарата КПСС, что способствовало ослаблению влияния народа на дела общества и государства и, соответственно, росту недовольства государственной политикой. Тем более что работа все больше приобретала черты формализма, шла без должного контроля со стороны общественности.

Насколько важно слушать и слышать народ и потом действовать согласно его желаниям, образно выразился Н.А. Бердяев. Критически относясь к Октябрьской революции, он в то же время увидел суть того, почему народ пошел за большевиками. «Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога» (Бердяев, 2004, с. 274–275).

Умение общаться с народом советская власть демонстрировала долгое время, однако в период перестройки не смогла улавливать существенные изменения в сознании людей, в понимании их насущных устремлений.

Таким образом, суть обратной связи между народом и властью заключается в том, что государство учитывает основные ориентации и потребности людей и на этой основе создает «правила игры» — гарантирует условия достойного существования людей и обеспечивает их выполнение. Люди в свою очередь соглашались на требования, связанные с охраной их личности, с защитой их прав и свобод. При этом нередко происходит добровольное подчинение ограничительным законам, если люди видят, что их основные интересы и потребности учитываются или по крайней мере принимаются к сведению и в той или иной мере выполняются.

Утрата постоянных связей с народом — это утрата связи с реальностью — угроза существования политического режима. Она обязательно проявится в возникновении точек напряженности, что наглядно ощущалось в определенные периоды существования СССР (во время политики проразверстки, в годы коллективизации, а также во времена перестройки).

Обратная связь власти и народа в современной России в начале 1990-х годов базировалась на радикальных и внешне привлекательных обещаниях. Но, когда стали очевидны огромные социальные издержки — рост неравенства, падение жизненного уровня, рост безработицы, ослабление социальной защиты, началось снижение доверия.

Неумение и нежелание считаться с запросами населения проявилось в таких конфликтных ситуациях, как монетаризация льгот (замена натуральных льгот денежными компенсациями) в 2005 году, пенсионная реформа, начатая в 2019 году, оптимизация образования и здравоохранения, слом прежней организации науки с 2013 года и др. конфликтные ситуации, в том числе в регионах.

Одним из показателей измерения обратной связи стало определение доверия посредством социологических опросов. В настоящее время, по данным всероссийских исследований 2021–2022 гг., оно выглядит так: президенту в зависимости от отрасли экономики и культуры (промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, сфера услуг, здравоохранение, образование, наука) доверяют от 38 до 63% населения (не доверяют от 8,2 до 13%), правительству — от 16,5 до 41,2% и от 14,5 до 28,8% соответственно, Государственной Думе — от 10,7 до 26,8% и от 30,9 до 49,5% (Интеллигенция..., 2023, с. 293–296). Очевидно, что такой социально-психологический показатель, как доверие, формируется исходя из многих обстоятельств жизни людей, но прежде всего через осознание своего социального положения. Иначе говоря, резервы для укрепления общественного договора еще значительны.

В-пятых, общественный договор скрепляет и такой критерий, как причастность народа к управлению делами общества и государства. Причем эта характеристика не должна пониматься буквально, только как личное участие каждого человека в деятельности управленческих органов на том или ином уровне социальной организации общества. Поэтому помимо прямого непосредственного участия в работе органов управления, на наш взгляд, стоит говорить о возможности влиять на принятие решений всех без исключения органов управления. При этом именно осознание причастности и вовлечение в процесс управления делает самих людей более ответственными при осуществлении общественной и трудовой жизни. По нашему мнению, курс советской власти привлечь к управлению как можно большее количество людей через широкую сеть советов народных депутатов (в первые годы советской власти — советов рабочих, солдатских и крестьянских

депутатов) способствовал укреплению взаимного доверия. Отметим и такой путь укрепления согласия между народом и государством, как массовое привлечение низовых слоев населения к (со)участию в управлении. Это требование, выраженное в призыве Ленина, до сих пор представителями либеральных кругов и антисоветчиками активно высмеивалось: большевики признавали (или декларировали), что «кухарка может управлять государством». Хотя внимательное прочтение слов Ленина говорит о том, что он ориентировал усилия советской власти на необходимость «*научить*» людей, в том числе и кухарку, участвовать в управлении государственными и общественными делами: *«Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством... Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту»* (Ленин, 1981, с. 315).

О привлечении россиян к различным формам и методам управления немало говорится в современной России. Однако, как показывают общероссийские социологические исследования 2020–2022 гг., даже при такой «щадающей» формулировке «*Можете ли влиять на принятие решений?*» были получены в основном отрицательные ответы: 90,5% респондентов говорят о невозможности влияния на государственном уровне, 89,3% – на уровне республиканской, краевой и областной власти, 83,9% – на городском, районном уровне и 57,8% – на уровне производственной организации (Тощенко, 2022, с. 103).

В-шестых, общественный договор предполагает обеспечение консенсуса и баланса интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ стратами, социальными общностями и группами внутри любого общества, иначе говоря, учет многообразия интересов. Причем это согласие призвано осуществляться не только на политическом, экономическом и социальном уровнях, но, что особенно важно, на *нравственном, духовном* как наиболее фундаментальном, обеспечивающем подлинную сущность и природу общественного договора. Такое моральное единство

возникает в ходе соблюдения и поддержания доверительных отношений, которые устраняют всякие попытки противостояния, соперничества, предубежденности и строятся на основе *базовых ценностных ориентаций* главных социальных сил, согласование которых в многом зависит от ответственности государственной власти. Правда, это не означает, что ценностные ориентации остаются неизменными: поиск согласия в целом обществе и между основными субъектами действия – это постоянное требование для сохранения и поддержания общественного договора.

Наконец, важное значение приобретает учет интересов территориальных, в том числе этнонациональных и конфессиональных, особенностей и их роли в укреплении общественного договора на каждом этапе исторического развития страны. В связи с этим актуально утверждение о том, что забвение интересов институциональных образований ведет к утрате связи с реальностью, способствует возникновению точек напряжения и, как следствие, порождает угрозу существования государства и его политического режима (см., например, Ускова и др., 2022).

При трактовке сущности и содержания общественного договора нужно также учитывать, что он не может оставаться неизменным в течение длительного времени. Он постоянно нуждается в уточнении, перенастройке в соответствии с изменяющимися условиями жизни. Об этом свидетельствует опыт развития всех стран, в том числе России, когда опорные точки общественного договора менялись, уточнялись или замещались другими критериями. Всё возрастающее значение приобретают требования обеспечить соблюдение социальной справедливости, суверенитет личности, а также уверенность людей в своем будущем и будущем своих детей.

Заключение

Общественный договор выступает уникальным общественным явлением. В современных условиях он гарантирует существование государства, обеспечивает возможность эффективного решения экономических, политических, социальных и духовно-нравственных проблем. Две стороны общественного договора – государство и народ – в идеале должны быть его равноправными участниками, иначе могут происходить два взаимоисключающих процесса –

или рост авторитаризма (тоталитаризма), который ведет к деформации свобод и прав человека, или установление охлократических тенденций, которыми, как правило, пользуются деструктивные силы. В современной российской действительности общественный договор имеет существенные резервы по его совершенствованию с точки зрения согласования целей развития, средств их достижения, мировоззренческого обеспечения, налаживания регулярной обратной связи и, наконец, действенного участия всех социальных общностей и групп в управлении делами общества и государства. Однако в настоящее время решения конкретных государственных и общественных проблем в немалом числе случаев представляют деформированные процессы и явления, которые не всегда олицетворяют равноправное единство, что приводит к различным формам напряженности, отражающим слабость существующего общественного договора.

Анализ содержания общественного договора на всех этапах советской/российской истории показывает, что на его устойчивость влияло соблюдение такого важнейшего ориентира, как справедливость, ведь в общественном сознании всегда (нередко подспудно) сохраняет свою ценность восприятие людьми своей жизни по специфически воспринимаемым законам справедливости. Это особенно наглядно проявлялось в скрепляющем общественный договор представлении людей (народа) о социальном равенстве, о возможности его достижения или о допустимом его частичном отсутствии, но по понятным для большинства причинам.

Именно нарушение, особенно вопиющее, служит поводом и причиной всех происшедших или назревающих конфликтов, когда в обществе были созданы/создаются реальные разрывы в социальном положении высших и низших общностей, страт и групп.

Существование общественного договора зависит от того, имеет ли народ возможность сопоставить свои устремления, свои интересы с пониманием и приятием того, куда зовет его идти государство, и насколько он согласен с тем, что ему нужно делать и к чему стремиться. В этом отношении заслуживает внимания утверждение А. Токвиля: во всех переломных процессах развития государства народ предпочтет достижение социального равенства, а не демократии.

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что концепция «общественный договор» никогда не была оформлена в виде официального документа. *Она является важнейшим теоретическим и прикладным конструктом для анализа и объяснения эволюционного или революционного развития государства и/или общества.* Эта концепция включает в себя согласованную с народом политику по преобразованию окружающей социально-экономической и политической среды, одобряемых методов и форм государственного и политического управления, приемлемого идеологического воздействия на общественное сознание. В конечном счете в процессе реализации общественного договора формируются представления, убеждения и действия по достижению общих целей народа и государства.

Литература

- Аганбегян А.Г. (2019). О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 3–15.
- Аузан А. (2017). Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: Манн, Иванов, Фербер. 192 с.
- Бердяев Н. (1990). Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 224 с.
- Глазьев С.Ю. (2011). Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М.: Экономическая газета. 576 с.
- Гоббс Т. (1991). Сочинения. В 2 т. Т. 2. / сост., ред., автор примеч. В.В. Соколов. М.: Мысль. 731 с.
- Гольбах П.А. (1963). Основы всеобщей морали или Катехизис природы // Гольбах П.А. Избр. произв. в 2 т. Т. 2. / под общ. ред. Х.Н. Момджяна. М.: Соцэкгиз. 563 с.

- Интеллигенция в эпоху кардинальных цивилизационных изменений (2023): сб. научных статей / РГГУ, социолог. фак-т, Центр социолог. исследований; под общ. ред. Ж.Т. Тощенко; ред.-сост. М.С. Цапко, Е.А. Колосова. М.: РГГУ. 344 с.
- Кравченко А.И. (1987). Социология труда в XX веке. Историко-критический очерк. М.: Наука. 180 с.
- Ленин В.И. (1981). Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы. Т. 34. С. 289–339.
- Локк Д. (1988). Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль. 668 с.
- Монтескье Ш. (1955). О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. В 2 т. М. 799 с.
- Неэкономические грани экономики: Непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов (2010) / науч. ред. О.Т. Богомолов. М.: Институт экономической стратегии. 800 с.
- Нозик Р. (2008). Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера; под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. М.: ИРИСЭН. 424 с.
- Олсон М. (2012). Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство. 212 с.
- Радищев А.Н. (1952). Опыт о законодательстве // Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР. Т. 3. 676 с.
- Ролз Дж. (1995). Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ.
- Руссо Ж.Ж. (2000). Об Общественном договоре: Трактаты / пер. с фр. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; КАНОН-Пресс-Ц. 544 с.
- Ситаров В.А. (2019). История образования в России: досоветский и советский периоды // Знание, понимание, умение. № 1. С. 201–211.
- Славин Б.Ф. (2009). Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания.
- Токвиль А. (2008). Старый порядок и революция / пер. с фр. Л.Н. Ефимова. СПб.: Алетейя. 248 с.
- Тощенко Ж.Т. (2005). Социология труда. Опыт нового прочтения. М.: Мысль.
- Тощенко Ж.Т. (2020). Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь мир. 352 с.
- Тощенко Ж.Т. (2021). Идеологическое распытие как характеристика современного российского общества // Демократия и социализм XXI. № 10. С. 25–44.
- Тощенко Ж.Т., Шевченко И.О., Анисимов Р.И. (2022). От precarious занятости к precarious жизни: колл. монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь Мир. 364 с.
- Ускова Т.В., Кожевников С.А., Лукин Е.В. [и др.] (2022). Российские территории: 30 лет в условиях рынка: монография / под общ. ред. В.А. Ильина; Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда: ВолНЦ РАН. 315 с.
- Чангли И.И. (1973). Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука. 588 с.
- Чжан Тянь, Романенко М.В. (2009). Строительство среднезажиточного общества в Китае: сущность и социально-экономические проблемы // Социально-гуманитарные знания. № 4. С. 312–318.
- Ширвинд А.А. (2022). В промежутках между. М.: КоЛибри. 192 с.

Сведения об авторе

Жан Терентьевич Тощенко – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет (125047, Российская Федерация, г. Москва, Миусская площадь, д. 6); главный научный сотрудник, Институт социологии, ФНИСЦ РАН (109544, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1; e-mail: zhantosch@mail.ru)

Toshchenko Zh.T.

Social Contract: Historical and Contemporary Realities in Soviet/Russian Society

Abstract. The article provides an analysis of the currently little used concept – the social contract. For this purpose, a brief historical digression was carried out: an assessment was made of the contribution of thinkers of the Enlightenment, who were the first to substantiate the proposal to consider the relationship between the state and the people through the prism of reaching agreement on the arrangement of public and private life, calling it a social contract. After a break, interest in this phenomenon revived in the 20th century, which is given more detailed information on the example of the consideration of the essence and content of the social contract by foreign and Russian researchers. On this basis, it is concluded that the social contract is an independent scientific and social phenomenon that embodies various forms of social consent between the people and the state, given that they are not only open, but also latent, reflecting the underlying processes taking place in public consciousness. The article defines the criteria inherent in the social contract – goals, means of achieving them, ideological support, the effectiveness of feedback and participation of the people in managing the affairs of society and the state. A comparative analysis of the process of its functioning in the Soviet and modern Russian society is given, estimates and conclusions are made about the problems of its implementation at various stages of historical development. It is especially noted that the social contract has both explicit and latent characteristics, which, through the analysis of the state, trends and problems of social development, allows us to speak about the degree of its effectiveness and efficiency in preserving and strengthening the state.

Key words: social contract, state, society, people, public consciousness, consent, trust, USSR, Russia.

Information about the Author

Zhan T. Toshchenko – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Supervisor of the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities (6, Miuskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation); Chief Researcher, Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (5, building 1, Bolshaya Andronyevskaya Street, Moscow, 19544, Russian Federation; e-mail: zhantosch@mail.ru)

Статья поступила 15.05.2023.